

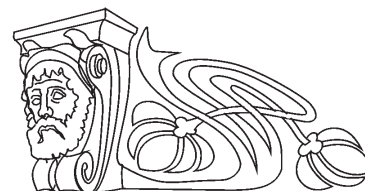
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–267
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–267
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

Научная статья
УДК 330.8

Конвергентная политическая экономия «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. В эволюции экономик западного типа и советского типа после Второй мировой войны наблюдалось много общих моментов, которые побуждали ученых говорить о конвергенции двух идеологически альтернативных политико-экономических систем. Замечательным примером сравнительного анализа обоих векторов развития национальных экономик, исходя из единых концептуальных предпосылок, служат книги Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества». Неспособность неоклассической и неокейнсианской теории объяснить происходившие социально-экономические перемены инициировала научный поиск в западной экономике свойств советской социалистической системы регулирования, плановой организации народного хозяйства. Характер использования времени и капитала в современном производстве, специализация предприятий, потребности крупных корпоративных организаций, проблемы нестабильного функционирования рынка в условиях передовой техники и технологии предопределяли необходимость планирования. Есть основания предполагать наличие в концепции государственно-корпоративной экономики Дж. К. Гэлбрейта реминисценции теории государственно-монополистического капитализма, изложенной в наиболее известных произведениях В. И. Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и «О продовольственном налоге». Дж. К. Гэлбрейт предложил логически целостное концептуальное понимание объективной обусловленности конвергенции в развитии моделей экономики западного типа и советского типа. Децентрализация в экономических системах советского типа означала не возврат к рынку, а перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме. Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдалась явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования. Дж. К. Гэлбрейт обсуждал возможность реформирования американской экономики на основе модели «нового социализма».

Ключевые слова: конвергентная политическая экономия, плановая система, новый социализм, Дж. К. Гэлбрейт, В. И. Ульянов-Ленин

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Конвергентная политическая экономия «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–267. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Convergent political economy of the “New socialism” by J. K. Galbraith

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract: In the evolution of Western-type and Soviet-type economies after World War II, there were many common points that prompted scientists to talk about the convergence of two ideologically alternative political and economic systems. Remarkable examples of a comparative analysis of both vectors of the development of national economies, based on the same conceptual premises, are the books of J. K. Galbraith “The new industrial state” and “Economics and the public purpose”. The inability of the neoclassical and neo-Keynesian theory to explain the socio-economic changes that took place initiated a scientific search in the Western economy for the properties of the Soviet socialist system of regulation, the planned organization of the national economy. The need for planning was predetermined by the nature of the use of time and capital in modern production, the specialization of enterprises, the needs of large corporate organizations, the problems of unstable functioning of the market in conditions of advanced engineering and technology. There are reasons to assume that J. K. Galbraith’s concept of the state-corporate economy contains a reminiscence of the theory of state-monopolistic capitalism, set forth in the most famous works of V. I. Ulyanov-Lenin “Imperialism, the highest stage of capitalism” and “About food tax”. J. K. Galbraith outlined a logically holistic conceptual understanding of the objective conditionality of convergence in the development of Western-type and Soviet-type economic models. Decentralization in Soviet-style economic

systems meant not a return to the market, but the transfer of some planned functions from the state to the firm. The convergence of the Soviet and Western systems cannot be understood as the return of the first system to the market. Both systems have outgrown the market. There was a clear convergence in the direction of the same forms of planning. J.K. Galbraith discussed the possibility of reforming the American economy on the basis of the model of "new socialism".

Keywords: convergent political economy, planned system, new socialism, J. K. Galbraith, V. I. Ulyanov-Lenin

For citation: Cheremisinov G. A. Convergent political economy of the "New socialism" by J. K. Galbraith. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–267 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Эволюция мирового хозяйства и государственной политики после Второй мировой войны создала предпосылки для критического переосмысления двух ветвей мейнстрима стандартной экономической теории – неоклассической и неокейнсианской.

С середины 1950-х до начала 1970-х гг. происходил бурный рост мировой экономики: в развитых западных странах в рамках капиталистической модели, в СССР и государствах Восточной Европы в рамках социалистической директивно-плановой модели. Эта эпоха получила название научно-технической революции, поскольку устойчивый экономический рост опирался на активное использование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в реальном секторе хозяйства, прежде всего в отраслях промышленности, особенно в машиностроении. Интенсивное обновление индустрии обеспечивало подъем и совершенствование других отраслей национальных экономик в обеих социально-экономических системах, сопровождалось изменениями организационных структур хозяйственной деятельности, государственной экономической политики, режимов функционирования хозяйственного механизма, условий осуществления предпринимательства.

В эволюции экономик западного и советского типа наблюдались схожие тенденции, которые позволяли ученым рассуждать о конвергенции двух идеологически альтернативных политико-экономических систем и искать общую теоретико-методологическую основу, объясняющую оба вектора развития национальных экономик, исходя из единых концептуальных предпосылок.

Замечательным примером такого сравнительного анализа служат научные труды канадско-американского экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта. Книга «Новое индустриальное общество» [1] (английское название которой «The new industrial state» можно перевести и как «Новое индустриальное государство») была издана в 1967 г. Книга «Экономические теории и цели общества» [2] вышла в свет в 1973 г.

Публикация первой работы, весьма вероятно, была инициирована изучением опыта экономической реформы А. Н. Косыгина, начавшейся в СССР в 1965 г. и направленной на расширение хозяйственной самостоятельности (хозяйственного расчета) промышленных предприятий и их объединений в вопросах ценообразования, получения и использования прибыли для материального стимулирования и самофинансирования.

Издание второй из названных книг позволило Дж. К. Гэлбрейту познакомить читателей с дальнейшей разработкой выдвинутой концепции и показать ее теоретико-методологический потенциал при исследовании инфляции. Рост цен заметно ускорился после отмены в 1971 г. конвертации доллара США в золото по официальному курсу для центральных банков и фактического прекращения функционирования Бреттон-Вудской валютной системы, оказывавшей регулирующее воздействие на эмиссию американской валюты.

Постановка проблемы взаимной обусловленности экономических теорий и целей различных социальных групп начиналась с рассмотрения редко обсуждаемого прикладного использования науки. Дж. К. Гэлбрейт верно подметил, что экономическая теория создает у людей представление об экономике их общества, которое заметно влияет на поведение хозяйствующих субъектов. Оказывая содействие осуществлению власти, экономическая теория выполняет инструментальную функцию, служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе. Общепринятое представление об экономике не совпадает с реальностью. Но оно используется как заменитель реальности для законодателей, госслужащих, журналистов, телекомментаторов, «профессиональных пророков» – всех, кто выступает, пишет и принимает решения по экономическим вопросам. Сам же ученый отдавал предпочтение традиционной, научной, объясняющей функции экономической теории – стремлению понять реальное положение вещей [2, с. 29, 31, 32].

Дж. К. Гэлбрейт выступал оппонентом современных ему ведущих направлений стандартной экономической теории – неокейнсианства и неоклассики, подчеркивал их коренную общность: «...неоклассическая и неокейнсианская вера одинаковы», поскольку обе они определяются одинаковыми взглядами на власть рынка [2, с. 50]. Однако акцент дискуссии был смещен на критику неоклассических взглядов, которые в 1970-е гг. стали вытеснять кейнсианство с позиции истеблишмента мейнстрима экономической науки.

По мнению теоретика, общепризнанная интерпретация неосоциалистической экономической системы – неоклассическая модель – не отражает реальности. Неоклассическая система выполняет инструментальные функции, содержит формулу для спокойной жизни без излишних споров. Она многим обязана традиции, приемлема для описания общества, которое когда-то существовало, и для характеристики рыночной системы как одной из частей современной экономики. Кроме того, неоклассическая модель – это имеющаяся «под рукой» готовая теория, по канонам которой удобно учить студентов. Еще одна сильная сторона неоклассического учения – возможность бесконечного теоретического усовершенствования, а с возрастающей сложностью складывается впечатление повышающейся точности, правильности и лучшего понимания. Утрата релевантности и отказ от осмысления социальных последствий трансформации экономики подвигали к отказу от неоклассической модели, возрождали интерес к противоречивой теории марксизма или побуждали к созданию новых альтернативных концепций [2, с. 36, 54–55].

Планирование в современной индустриальной системе

Неспособность прежней теории объяснить происшедшие социально-экономические изменения неожиданно инициировала научный поиск в западной экономике характерных черт советской социалистической системы регулирования, плановой организации народного хозяйства. Откровенной «ересью» выглядело заявление Дж. К. Гэлбрейта о том, что западная экономическая система, под какой бы идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной части представляет собой плановую экономику [1, с. 41]. В озвученном оксюмороном точно были определены причинно-следственные приоритеты. Идеология взаимосвязана с экономикой, оказывает на нее укрепляющее или разрушающее воздействие, отражает ин-

тересы различных социальных слоев населения; но не она служит главным фактором эволюции хозяйственных систем, имеющих свою специфическую логику исторического развития, – перемены в разделении труда, в формах организации производства.

Обновление экономики и общества, вызванное научно-технической революцией, дало повод говорить об индустриальной системе, индустриальном обществе как отличительных признаках переживаемой исторической эпохи, о создании условий для формирования «*planning system*» – плановой системы. Последний термин точнее передает смысловое содержание понятия, нежели предложенный в книге перевод – «планирующая система» [2, с. 80]. Примечательно, что Дж. К. Гэлбрейт в своей ранней работе использовал термин «индустриальная система», а во второй публикации выстраивал концепцию на основе противопоставления плановой системы и рыночной системы.

По разумению экономиста, необходимость планирования предопределяется характером использования времени и капитала в современном производстве, специализацией предприятий, потребностями крупных корпоративных организаций, проблемами нестабильного функционирования рынка в условиях передовой техники и технологии. В мире крупных корпораций выстраивается матрица контрактов, которые устраняют присущую рынку неопределенность во взаимоотношениях между фирмами [1, с. 52, 67].

Ученый очертил контуры общей теории высокого уровня развития экономики, отметил, что когда фирмы становятся крупными, трансформируется природа экономической системы общества, решающим инструментом и движущей силой преобразований оказывается современная корпорация, а не государство и тем более не отдельная личность. Начальной точкой, задающей вектор развития, служит технология с соответствующей организацией. Индустриальный корпоративный сектор вырастает как надстройка над рыночным предпринимательством. В национальной экономике формируются, взаимодействуют и эволюционируют две части: рыночная система и господствующая над ней в социально-политической иерархии плановая система. Необходимость контролировать среду, предупреждать неблагоприятные события способствует гораздо большему размеру фирм по сравнению с оптимальными размерами фирм в рыночных условиях олигополии или монополистической конкуренции [2, с. 67–69].

Доминирование корпоративного сектора усиливает дифференциацию компонентов экономики страны в отраслевом, региональном, социальном аспектах. Сочетание мощного стимула увеличения размера фирмы в некоторых секторах экономики с ограничениями роста фирм в других секторах создает исключительно неравномерную картину экономического развития. Плановая и рыночная системы разнятся не стремлением избавиться от ограничений рынка и обрести контроль над экономической средой, а средствами и успешностью достижения этих целей. В плановой системе фирма «без лишнего шума», автоматически добивается контроля над ценами и объемом производства благодаря своим размерам и обращению к могущественной исполнительной бюрократии, обретает выгодные условия торговли, контролируя также цены и издержки рыночной системы [2, с. 72–82].

Происходившие перемены были настолько серьезными, что Дж. К. Гэлбрейт обновил один из фундаментальных постулатов экономической науки, предложил дефиницию и дал теоретическое объяснение нового фактора производства или, точнее, новую форму проявления (новый вид) фактора предпринимательства, соединяющего в хозяйственной деятельности остальные, традиционные факторы производства – труд, капитал, природные ресурсы.

Власть в экономике и обществе связана с одним, наименее доступным фактором производства, поэтому источник власти в промышленном предприятии под воздействием современной техники, технологии и планирования переместился от капитала к новому фактору производства – организованному знанию, от собственников капитала к совокупности людей, обладающих разнообразными специализированными знаниями, опытом и способностями [1, с. 95–99].

В экономике и обществе власть безвозвратно перешла к организации, которая успешно осуществляет синтез новой, «групповой индивидуальности», намного превосходящей личность в достижении социальных целей. Принятие решений важнее их утверждения. Подлинное право принимать групповые решения принадлежит инженерам, плановикам и иным специалистам, поскольку планирование требует чрезвычайно разнообразной информации и подготовленных людей. Для обозначения всех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями, участвует в процессе принятия решений группой или в организации, которую они составляют, – от руководителей современного промышленного предприятия почти до основ-

ной массы рабочей силы, Дж. К. Гэлбрейт предложил использовать термин «техноструктура» [1, с. 101–113].

Доминирование фактора производства техноструктуры обеспечивается современной корпоративной формой организации бизнеса. Корпорация служит превосходным аппаратом для объединения и анализа информации, доставляемой множеством людей, для групповых решений, выходящих за пределы компетентности отдельных лиц, приспособлена к передовой технике, крупным капиталовложениям и планированию, которое позволяет техноструктуре ограждать от вмешательства извне свою прибыль и самостоятельность [1, с. 119, 126].

Особое внимание экономист уделил изменению целей и мотивов хозяйствующих субъектов в плановой системе индустриального общества. Максимизация прибыли перестала быть главной целью корпорации после того, как управляющие забрали власть у акционеров. Менеджеры корпорации преследуют свои меркантильные интересы, а не денежные интересы собственников, которым они ничем не обязаны. Техноструктура стремится к максимизации успеха в качестве организации, ибо увеличение выпуска продукции означает расширение самой техноструктуры. Исходя из этих соображений, устанавливаемые плановой системой цены будут ниже цен, которые обеспечивали бы максимум прибыли. Цены эффективнее контролируются фирмой, перестают играть исключительную роль в распределении ресурсов; гораздо важнее применение власти во всем объеме – над ценами, издержками, потребителями, поставщиками, правительством. Рост фирмы согласуется с целью общества – экономическим ростом, который позволяет решать многие социально-экономические проблемы. Признание экономического роста целью общества означает укрепление господства современной корпорации и техноструктуры [1, с. 167, 216–220; 2, с. 150, 155].

Неоклассическая теория отрицала наличие подобной власти. Поэтому Дж. К. Гэлбрейт красноречиво отвечал оппонентам. Крупные корпорации получили возможность навязывать свою волю обществу, устанавливать цены и издержки, влиять на потребителей, организовывать поставки материалов и полуфабрикатов, мобилизовать собственные накопления и капитал, проводить свою политику в отношении рабочей силы, оказывать воздействие на взгляды общества и деятельность государства. Цели техноструктуры, управляющих фирмой интеллектуалов приобрели колоссальное значение.

Не рынок определяет эти цели. Они переступили границы рынка, используют его как инструмент и «становятся той колесницей, к которой общество если не приковано, то уж во всяком случае пристегнуто» [2, с. 125].

Иерархия власти в экономике и обществе обуславливает доминирование плановой системы над рыночной системой – миром небольших фирм, не обладающих контролем над своими ценами и издержками. Существует неравное распределение доходов между крупными и мелкими фирмами: в получаемых прибылях и возможностях выплаты жалованья. В современной экономике плановая система эксплуатирует рыночную систему, развивается более быстрыми темпами, используя неравные возможности извлечения прибыли [2, с. 173, 175].

Еще одним свидетельством иерархии сил хозяйствующих субъектов служит усиливающаяся власть производителя, от которой зависит распределение в государственном и частном секторах экономики производственных ресурсов – капитала, рабочей силы и материалов. В современной экономике равновесие сил отражает власть производителя. Производство достигает больших размеров не обязательно там, где существует большая потребность; оно может быть велико там, где есть большая возможность управлять поведением потребителя или участвовать в контроле над закупками товаров и услуг государством, причем всецело в интересах бюрократического роста [2, с. 189, 190].

В индустриальной системе складываются устойчивые горизонтальные отношения между крупными фирмами-производителями, действует механизм координации производственных планов между корпорациями – сеть долгосрочных контрактов; рынок для такой координации не годится. Контракты предопределяют потребности покупателей на месяцы и годы, устанавливают цены, условия поставок и их оплаты, обеспечивают приспособление предложения товаров к спросу. Основная цель осуществляемого фирмой планирования – рост в будущем. Информация и гарантии, получаемые от других фирм, обеспечивают фирме-поставщику сведения, необходимые для ее собственного планирования, дают возможность удовлетворять нужды своих заказчиков в соответствии с их планами [2, с. 167–168].

Контракт гарантирует цену и поставки для одной фирмы, одновременно гарантирует цену и объем продаж для другой фирмы. С ускорением развития и возрастанием технической сложности изделий, совершенствованием технологий производства матрица взаимосвязанных кон-

трактов расширяется, становится гигантской. Бизнес в плановой системе – это в основном заключение контрактов [1, с. 67; 2, с. 168].

Макроэкономическое регулирование в условиях плановой системы

Плановая система, как и рыночная, развивается нестабильно, нарушает соответствие между спросом и предложением товаров. Недостаточность эффективного спроса (использования покупательной способности) вызывает спады экономической активности. Неуверенность в превращении сбережений в расходы сильно влияет на плановую систему, а корректирующий механизм отсутствует. Решения об объеме сбережений и инвестициях принимаются сравнительно небольшим числом крупных корпораций. Речь идет об огромных суммах, и нет никакого механизма, который обеспечивал бы соответствие плановых решений [2, с. 230–232].

Дж. К. Гэлбрейт обстоятельно рассматривал проблему формирования спроса в индустриальной системе. Управление спросом стало обширной, быстро растущей отраслью экономики, охватывающей громадную систему средств массовой информации, широкую сеть бытовых и торговых организаций, рекламу, многочисленные прикладные исследования, профессиональное обучение и другие подобные услуги. Эта гигантская машина управляет покупками конечных потребителей – частных лиц и государства. Для эффективного контроля над потребительским спросом приходится управлять способом расходования и размером дохода, идущего на потребление. Руководство спросом распространяется на отдельные виды товаров и на всю продукцию. Необходимость контроля над поведением потребителя и поддержание совокупного спроса – неотъемлемая часть планирования индустриальной системы [1, с. 247–248].

Ученый поставил под сомнение одну из базовых исходных предпосылок неоклассической модели рыночной экономики – суверенитет, «всевластие» потребителя. Почти во всех исследованиях и учебниках по экономике предполагается, что инициатива исходит от потребителя, который под воздействием своих потребностей покупает на рынке товары и услуги. Рынок, в свою очередь, передает предприятиям-производителям информацию о возможностях получения прибыли, а реакция на информацию рынка означает удовлетворение желания потребителя. Поток указаний передается в одном направлении – от потребителя к рынку и от него к производству [1, с. 259].

В индустриальной системе наблюдается обратная последовательность информационного воздействия на взаимное приспособление спроса и предложения товаров и услуг. Крупная корпорация способна контролировать цены своих закупок и продаж, управлять покупками потребителя. Измененная последовательность опирается на мотивацию технотехнологии, стремящейся полнее подчинить своим целям социальные установки и цели. Господствующие в обществе взгляды формируются теми, кто производит товары. Приспособление рыночного поведения потребителя и социальных установок к нуждам производителя и к целям технотехнологии становится незаменимым элементом индустриальной системы [1, с. 260].

Первостепенную важность в корпоративном секторе приобретает регулирование общего, совокупного спроса посредством поддержания занятости и доходов населения. Необходимо надежно обеспечить достаточный уровень покупательной способности для поглощения произведенной продукции индустриальной системы по установленным ценам. На такой императив опиралась кейнсианская революция в экономической науке. Производство для текущего потребления более стабильно, чем производство для инвестирования, которое зависит от изменений оценки неопределенного будущего [1, с. 268–269].

В индустриальной системе размеры сбережений и инвестиции имеют тенденцию расти и падать одновременно. Но это не означает, что они будут равны, что инвестиции поглотят сбережения. В организованной экономике не существует механизма взаимного уравновешивания решений относительно объемов сбережений и инвестиций. Регулирование спроса требует значительного расширения государственного вмешательства в экономику, и налоговая система может превратиться из средства повышения государственных доходов в инструмент управления спросом [1, с. 270, 275].

В плановой системе бездействует механизм обратной связи (гибкость цен и заработной платы), который помогает стабилизировать рыночную систему и сдерживает тенденцию кумулятивного эффекта сжатия спроса. Контролируемые фирмами цены не падают. Находящуюся под контролем профсоюзов заработную плату практически нельзя понизить. Следовательно, падающий спрос невозможно поддерживать снижением цен, а сокращение заработной платы не компенсируется увеличением занятости. Уменьшение спроса в плановой системе непосредственно воздействует на

объем производства и занятость во всей национальной экономике, в том числе в рыночной системе [2, с. 233].

Признание наличия понижательных тенденций в современной экономике и отсутствия у нее способности их самоограничения или самоконтроля привели в 30-е гг. прошлого века к кейнсианской революции, которая первоначально предполагала, что правительству следует увеличивать гражданские расходы на общественные нужды, не покрываемые налогами, чтобы ликвидировать недостаток совокупного спроса. Но после Второй мировой войны правительственная политика уже полностью отвечала потребностям плановой системы, сумевшей свести на нет кейнсианскую революцию. Общественные расходы были установлены на постоянно высоком уровне и шли в основном на военно-техническое или промышленное развитие, гарантировали прямую поддержку плановой системы, не подвергались критике и служили высшим интересам национальной безопасности или другим национальным интересам. При помощи регулирования доходов была достигнута относительная стабильность [2, с. 234].

Ученый-экономист указал на нерелевантность концепций своих научных оппонентов, на то, что никто не заметил, как плановая система приспособила кейнсианскую теорию к своим нуждам. Три основных положения кейнсианской и неоклассической теории способствовали искажению реальности. Во-первых, предотвращение безработицы наряду с удовлетворительными темпами роста экономики считались важнее вопросов руководства и доходов. Во-вторых, отрицали, что вопрос о военных расходах – это функциональная часть экономической теории. Наконец, существовало разделение науки на макроэкономику и микроэкономику, которая рассматривала фирму как полностью подчиненную рынку. Не изучали влияние корпораций на государственные расходы. Подчинение макроэкономической политики правительства интересам плановой системы было надежно скрыто от серьезного исследования [2, с. 235–236].

Богатый эвристический потенциал нового концептуального подхода Дж. К. Гэлбрейт продемонстрировал, объясняя взаимосвязь устойчивой тенденции к инфляции в национальной экономике с функционированием плановой системы. Рыночная система может нести потери от инфляции в условиях длительного повышения цен, но с такой инфляционной динамикой легко бороться, поскольку она органически не присуща рыночному сектору экономики. Иное положение в плановой системе, где обычно

легко удовлетворяются требования профсоюзов о повышении заработной платы наемных работников, так как крупные фирмы способны регулировать цены на свою продукцию и компенсировать возросшие издержки. Если в условиях высоких цен спрос заметно опускается ниже возможностей рынка, то государство устраняет возникший недостаток. Поскольку плановая система предоставлена сама себе и обладает контролем над совокупным спросом, в ней будет наблюдаться постоянный рост заработной платы и цен [2, с. 238–240].

В послевоенное время всем индустриально развитым странам удалось преодолеть понижающую тенденцию плановой системы – кумулятивную нисходящую спираль в заработной плате, ценах и производстве. Напротив, они столкнулись с повышательной тенденцией – инфляцией. Как и в случае с кумулятивным спадом, инфляция стала распространяться за пределы плановой системы, нарушая структуру заработной платы и издержек в рыночной системе и государственном секторе экономики, где увеличение зарплаты не компенсировалось ростом производительности труда. Уязвимость экономики от спадов и инфляции обуславливалась ростом плановой системы и связанным с ним возникновением современных профсоюзов [2, с. 241].

При достаточно высоком уровне совокупного спроса цены и ставки заработной платы, а также оплата «белых воротничков» и членов технотехники в индустриальной плановой системе становятся неустойчивыми, подталкивают друг друга вверх в поступательной спирали, которая представляет собой функциональную противоположность безработицы. При повышении оплаты до уровня, освобождающего от постоянной нужды, рабочие предпочитают умеренный рост заработка при стабильных ценах более значительному росту доходов, сопровождаемому частичной их потерей из-за роста стоимости жизни. Повышение производительности труда благодаря техническому прогрессу и инвестициям позволяет корпорации ежегодно увеличивать ставки заработной платы без подъема цен и сокращения прибылей, соглашаться на стабилизацию цен в качестве своего вклада в договоренность с рабочими. Государству остается лишь проявить инициативу в осуществлении такого регулирования. Стало быть, нет альтернативы государству, венчающему здание планирования [1, с. 297, 304, 307, 311].

Рассмотрение причин и последствий систематической инфляции завершалось выпадом в адрес либерально-рыночного фундаментализ-

ма. Ученый-экономист констатировал, что если фирма не находится больше во власти рынка и если планирование обуславливает необходимость вмешательства государства ради установления определенного уровня цен и зарплаты, «от неоклассической теории не остается камня на камне». Невозможно существование рыночной системы, в которой в массовом порядке осуществляется регулирование заработной платы и цен [2, с. 244].

Дж. К. Гэлбрейт доказывал неэффективность попыток антиинфляционного сокращения совокупного спроса по рецептам ортодоксальной рыночной теории. Основные способы ограничения спроса: уменьшение государственных и частных расходов, сокращение частных расходов за счет заемных средств и повышения налогов – оказывают незначительное воздействие на плановую систему. Государственные расходы на приобретение товаров и удовлетворение потребностей плановой системы не могут быть сокращены в больших размерах в силу национальных интересов. Отсрочка, снижение или отказ от расходов будет, прежде всего, касаться затрат на социальные нужды: жилищное строительство, городское хозяйство, образование и т.д. Бюджетные ограничения будут сказываться на гражданских службах государственного сектора рыночной системы. При повышении процентных ставок и уменьшении предложения заемных средств плановая система активно использует для инвестиций свои доходы и накопления. Затраты, которые могут возникнуть в результате повышения налогов на товары, услуги и доходы, плановая система может переложить на общество. Если налоги повлияют на уровень доходов, расплачиваться будут владельцы корпораций, а не члены технотехники [2, с. 246–248].

Резюме специалиста звучало иронично. Предпринимаемые меры оказываются неэффективными, создают затруднения и не компенсируются за счет стабильности цен. Ограничение совокупного спроса воздействует в первую очередь на рыночную систему, оказывает отрицательное воздействие на экономический рост, вступает в конфликт с целями плановой системы. Как бы это ни противоречило неоклассической теории, непосредственные мероприятия государства в отношении зарплаты и цен становятся неизбежными. Обстоятельства, как это часто бывает, безжалостно опрокидывают самую необходимую доктрину [2, с. 235–236].

Достойна внимания постановка Дж. К. Гэлбрейтом вопроса о взаимовыгодном, неразрывном взаимодействии индустриальной плановой

системы и государства. В важнейших делах корпорация служит орудием государства, а правящая власть выступает орудием индустриальной системы. Если общество одобряет и восхваляет делание денег как высшую социальную задачу, то государственные служащие считают естественным «продавать себя или свои решения по цене, приемлемой для покупателей» [1, с. 354]. Корпорации влияют на государство гораздо сильнее, чем предпринимательское сословие рыночной системы. Казенные заказы на военную и другую технику служат надежной основой для наиболее развитых форм планирования. Военные расходы делают государственный сектор большим, без них бюджет правительства резко бы уменьшился. Недостаточно, чтобы государственные расходы на иные цели количественно компенсировали сокращение военных расходов. Остаются вопросы о том, кто будет выступать гарантом новой техники и планирования индустриальной системы. Социальные расходы не могут решить названных проблем. Только затраты на развитие техники способны заменить военные расходы [1, с. 280, 350].

Техноструктура солидарна с деятельностью государства, приспособленной к ее интересам. Когда планирование заменяет рынок, а денежное вознаграждение дополняется отождествлением и приспособлением целей, четкой границы, отделяющей государство от частной фирмы, уже не существует, она становится условной. Обе организации важны друг для друга. Их представители общаются в повседневной работе. Каждая из этих организаций начинает разделять цели другой, каждая приспособливает их к собственным целям. Каждая из них представляет собой продолжение другой [1, с. 365, 369].

Отступление от темы: реминисценции теории государственно-монополистического капитализма В. И. Ульянова-Ленина в концепции государственно-корпоративной экономики Дж. К. Гэлбрейта

Чтение книг Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» вызывает ощущение реминисценции (неявного цитирования, мысленной отсылки, воспоминания) наиболее известных произведений В. И. Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)».

Концептуальное видение поименованных авторов направлено на осмысление закономерностей развития и трансформации системы

капиталистической рыночной экономики. Теоретическая модель свободной рыночной конкуренции предпринимателей – частных собственников своих предприятий – опирается на ряд исходных предпосылок. Национальная экономика успешно развивается благодаря стихийному рыночному регулированию: взаимодействия спроса и предложения товаров и услуг посредством механизма цен; объемов производства и инвестиций посредством механизма получения прибыли; соотношения сбережений и инвестиций посредством механизма выплаты процента на вложенный капитал; занятости (безработицы) посредством механизма заработной платы и создания (сокращения) рабочих мест. Однако эволюция приводит к превращению основных свойств частнокапиталистической рыночной системы в свою противоположность.

Рыночная конкуренция ради увеличения прибыли вынуждает частных предпринимателей внедрять в производство инновации, достижения научно-технического прогресса. Повышение технического уровня, выпуск новой техники, применение передовых технологий, рост квалификации кадров сопровождаются концентрацией производства и капитала, ростом размеров и изменением организационных форм предприятий, возникновением крупных корпоративных структур, которые выходят за пределы частнокапиталистической рыночной системы. Складываются предпосылки замены стихийной рыночной конкуренции планомерной организацией производства, распределения, торговли и потребления.

Изменяется расстановка сил хозяйствующих субъектов в экономике и обществе. Управленцы крупного корпоративного бизнеса укрепляют свои властные полномочия, оттесняют на второй план интересы собственников капитала, наращивают воздействие на формирование общественного мнения и социальных целей, подчиняют своим интересам функционирование государственного аппарата, заставляют государство включаться в систему планомерной организации производства и расширять ее сферу до масштабов всей национальной экономики.

Сектор крупных корпораций, вырастая из сектора частнокапиталистического рыночного товарного производства, не устраняет, а сохраняет и эксплуатирует его, существует как господствующая надстройка. В иерархии секторов (укладов) национальной экономики государство и крупный корпоративный бизнес доминируют над частным капиталистическим предпринимательством, мелким товарным производством и потребителями.

Государство венчает иерархическую структуру экономики, формирует и обеспечивает достижение комплекса общенациональных целей, реализует интересы различных социальных слоев населения. Приоритет интересов и целей крупных корпоративных структур в политике правящей власти означает функционирование национальной экономики в режиме государственного капитализма. Подчинение политики правительства интересам и целям максимально широких социальных групп соответствует развитию национальной экономики в режиме государственного социализма.

Систематически подобранные цитаты из работ В. И. Ленина достаточно полно реконструируют логику теоретических построений Дж. К. Гэлбрейта. Но при сопоставлении взглядов авторов следует учитывать возникающие терминологические проблемы, оговаривать условную синонимичность используемых понятий. Как уже отмечалось выше, Дж. К. Гэлбрейт называл сектор крупных корпораций индустриальной системой, плановой системой. В. И. Ленин для характеристики корпоративного сектора применял термин «монополия», но не ограничивал его использование отраслями крупной корпоративной индустрии, а писал также о финансовой монополии, монопольном положении экономически развитых стран; кроме того, понятие монополии определяло специфическую рыночную ситуацию, противоположную состоянию свободной конкуренции. Такая терминологическая многозначность была органически присуща научно-публицистическому стилю ленинских произведений

Прогресс производства, достижения науки и техники, поощрявшие инновации в различных сферах общества, сопровождались преобразованиями в организации производства, транспорта, торговли, трансформацией механизмов и режимов хозяйственного регулирования. В. И. Ленин показывал взаимосвязь этих тенденций эволюции экономики на рубеже XIX–XX вв., констатируя, что громадный рост промышленности и процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях – одна из наиболее характерных особенностей капитализма. Концентрация вплотную подводит к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собой. Крупный размер предприятий затрудняет конкуренцию, порождает тенденцию к монополии. Превращение конкуренции в монополию – одно из важнейших явлений в экономике новейшего капитализма. Высокий технический уровень крупных предприятий

создает тенденцию к монополии. Концентрация заставляет затрачивать на предприятие громадные суммы капитала, затрудняя появление новых предприятий. А каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса; в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до невыгодного уровня [3, с. 310–314].

Особое внимание В. И. Ленин уделил изменениям в социальных функциях субъектов хозяйственной деятельности и укреплению позиций крупного корпоративного бизнеса в сфере формирования общественного мнения, выбора целей и средств экономической политики. Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и других «частностей» [3, с. 355–356].

В. И. Ленин указывал вектор социально-экономической эволюции и выявлял ее закономерности. Свободная конкуренция порождает концентрацию производства и на известной ступени своего развития ведет к монополии. Порождение монополии концентрацией производства является общим и основным законом современной стадии развития капитализма. Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа, делят между собой области сбыта, определяют количество производимых продуктов, устанавливают цены, распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т.д. Монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически-производственных единиц необъятного размера. Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантское обобществление производства и процесса технических изобретений и усовершенствований [3, с. 315–320].

Это уже не старая свободная конкуренция раздробленных и незнающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация позволяет произвести приблизительный учет всех источников сырых материалов во всем мире и захватить их гигантскими монополистическими союзами.

Осуществляется оценка размеров рынка и его раздел между этими союзами. Монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения. Капиталисты втягиваются в новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, но усиливается господство немногих монополистов над некартелированным бизнесом и населением [3, с. 320–321].

Диалектическое развитие капитализма сопровождается переходом количественных изменений в преобразование его качественных свойств, временным разрешением социально-экономических противоречий в виде воспроизводства их на новом историческом уровне. В. И. Ленин отмечал, что некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства, но она стала превращаться в свою прямую противоположность – монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим. Из концентрации производства и капитала вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал банков. В то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю [3, с. 385–386].

Система крупных корпораций перерастает узкие границы стихийной свободной конкуренции, создает предпосылки обобществления и планомерной организации экономики в громадных масштабах. Закономерность происходивших перемен подчеркивал В. И. Ленин: «Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенного иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых

продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей; ... тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства; ... что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, ... но которая все же неизбежно будет устранена» [3, с. 425].

Политико-экономическая система, в понимании В. И. Ленина, была многомерной, противоречивой, иерархически организованной, отражала расстановку социальных сил в стране. Теоретическая модель российского хозяйства столетней давности сочетала элементы капитализма и социализма, представляла собой многоуровневую структуру общественно-экономических укладов: 1) натуральное хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм [4, с. 207].

Взаимодействие укладов на вершине иерархии – крупного корпоративного сектора и государственного аппарата – обуславливало историческую специфику национальной экономики. Социально-экономический строй в стране определялся политической надстройкой – государством, а также проводимой правящей властью политикой. Этот тезис В. И. Ленина доказывал в полемической манере. Конкретным примером государственного капитализма называлась Германия с современной крупнокапиталистической техникой и планомерной организацией, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*. «Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм. Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» [4, с. 210].

В. И. Ленин был убежден в объективной обусловленности перехода от государственно-буржуазной политико-экономической системы к социалистическому государственному устройству: «Попробуйте подставить вместо ... помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т.е. революционно разрушающее всякие при-

вилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму. Ибо социализм есть ... ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализм, никаких промежуточных ступеней нет» [4, с. 213].

Приведенная подборка ленинских цитат может восприниматься неоднозначно. Если ее считать произвольной «подгонкой» под концептуальные схемы Дж. К. Гэлбрейта, то возникают сомнения в правомерности сопоставлений взглядов названных авторов. Если же учесть, что обе рассмотренные работы В. И. Ленина были переведены и изданы на английском языке, и с ними, вполне вероятно, был знаком Дж. К. Гэлбрейт, то постановка проблемы реинисценции воззрений двух теоретиков выглядит корректной.

Политическая экономия «нового социализма»

Вызывают восхищение нравственная позиция и гражданское мужество Дж. К. Гэлбрейта в раскрытии социально-экономических противоречий и даже пороков эволюции индустриального общества (государства) под воздействием плановой системы корпоративного сектора, смелость в обосновании необходимости и возможности реформирования современной ему американской экономики на основе модели «нового социализма». При более широком взгляде поставленная проблема далеко выходила за пределы Соединенных Штатов, побуждала к критическому переосмыслению послевоенного опыта политико-экономического развития стран Западной и Восточной Европы, Советского Союза. Конвергентная политическая экономия Дж. К. Гэлбрейта предлагает надежный теоретико-методологический ключ к пониманию тенденций и закономерностей эволюции экономической системы и экономической политики Российской Федерации последних трех десятилетий.

В рассуждениях звучал призыв к преобразованиям и преодолению «провалов» плановой системы и поддерживающей ее государственной политики. Ученый сомневался, что экономическая система имеет тенденцию

к самосовершенствованию. Неравномерное развитие, неравенство, никчемные и вредные нововведения, ущерб окружающей среде, пренебрежение интересами отдельной личности, власть над государством, инфляция, неспособность наладить координацию между отраслями – составные части системы и реальности. Это глубоко присущие системе дефекты. Власть крупного бизнеса органически распространяется на государство – естественный источник реформ, воздействует на общественное мнение. Огромное влияние на формирование взглядов в обществе оказывает система образования; для системы власти жизненно важна точка зрения, излагаемая в наиболее авторитетных учебных курсах [2, с. 269–270].

По разумению мыслителя, реформа должна опираться на рост критического отношения к стремлению технократии попираť личность, к закабалению людей ради ее интересов. Недостатки системы реальные, болезненные, угнетающие. При помощи убеждения можно преодолеть все, кроме собственных интересов и упорного сопротивления поразительного числа людей, которых стремятся обмануть. Реформа не начинается с законов или правительства. Она начинается с изменения взглядов на экономическую систему, с мнений. То, во что верят люди, можно изменить не доводами, а «железной логикой обстоятельств» [2, с. 269–270].

Дж. К. Гэлбрейт писал об общей теории реформ, намечал контуры стратегии экономической реформы, обсуждал последовательность ее шагов и конкретных мер. Прежде чем государство сможет осуществлять регулирование плановой системы, надо понять, что интересы общественности и плановой системы обычно не совпадают и что перестройка с помощью регулирования – это естественный, а не исключительный процесс. Государство должно быть освобождено от власти плановой системы. Только в народном (public) государстве, используемом в интересах общества, в отличие от государства, в котором командует плановая система, возможно осуществление реформ [2, с. 276, 280].

Глубоким и вдумчивым было размышление по поводу спорного тезиса о том, что государственная собственность – лучшее средство против частного проявления власти. Государственная собственность не дает многообещающего решения проблемы власти, осуществляемой частным образом, если государство оказывается инструментом этой власти, если государство не освобождено от контроля плановой системы. Проблема власти возникает не из-за того, что

организации частные, а из-за того, что любая организация отвергает вмешательство извне и свыше. Однако это не исключает правильно понимаемой государственной собственности в управлении властью. Сотрудничество и взаимная помощь государственных и частных организаций усиливают их власть за счет разделения труда [2, с. 278–279].

Выделяя три этапа реформ, Дж. К. Гэлбрейт неожиданно использовал термин «новый социализм», причем связал его с усилением частнохозяйственных отношений, с укреплением позиций и созданием условий для успешного развития рыночной системы в национальной экономике. В первую очередь, ученый-экономист предлагал радикально усилить влияние и возможности рыночной системы, повысить уровень ее развития и конкурентоспособности, уменьшить ее эксплуатацию плановой системой, сократить неравенство в доходах между системами. Этот концептуальный подход (экономическую модель) можно назвать «новым социализмом» [2, с. 280–281].

Затем приходит очередь политики упорядочения целей плановой системы, чтобы они не определяли интересы общества, а служили им. Необходимо ограничение использования ресурсов в чрезмерно развитых областях, переключение государства на обслуживание общества, а не плановой системы, защиту окружающей среды, подчинение технологии общественным, а не технократическим интересам. Наконец, нужно управлять не одной экономикой, а двумя: одна из них подчинена рынку, а другая планируется составляющими ее крупными фирмами [2, с. 281].

Неравнодушно обсуждал Дж. К. Гэлбрейт решение самой трудной задачи реформы – раскрепощения мнений, поскольку власть, основанная на мнении, необыкновенно авторитарна и при полном господстве исключает любую мысль, способную ослабить ее узы. Необходимо освободиться от доктрин, которые заставляют людей служить не самим себе, а плановой системе крупных корпораций, интересам и власти корпоративной и государственной бюрократии. Отважный мыслитель призывал обезвредить инструменты, используемые для увековечивания мифа о том, что интересы технотружеников плановой системы совпадают с интересами отдельного человека [2, с. 282, 286].

Список «вредоносных» инструментов включает четыре позиции. Во-первых, современное экономическое образование служит не пониманию, а обеспечению интересов плановой системы. Оно построено довольно наивно, что-

бы не дать отдельному человеку возможности понять, как им управляют, и приспособить его взгляды к интересам господствующей социально-экономической системы. Во-вторых, ориентация современной системы образования на преподавание неоклассической экономической теории, на формирование в процессе преподавания стандартного набора идей, прагматичного восприятия жизненных успехов, связанных с доходом и потреблением, на отказ от обучения творчеству и искусству. В-третьих, безоговорочное принятие современной реакции на рекламу и другие формы убеждения, используемые производителями. В-четвертых, выработка государственной политики, обеспечивающей доминирование в обществе интересов крупного корпоративного бизнеса [2, с. 286–287].

Краткий обзор специфики формирования общественного мнения совместными усилиями корпоративной и государственной бюрократии позволил Дж. К. Гэлбрейту показать схожие черты реализации власти плановой системы в экономиках западного типа и советского типа, обратить внимание на конвергенцию в эволюции обеих альтернативных политико-экономических моделей.

Всякое планирование стремится завоевать контроль над мнением – заставить людей подчиняться в мыслях и действиях тому, что выгодно для тех, кто осуществляет планирование. В экономике советского типа это достигалось формальным декретированием – здесь проводилась правильная и неизменная линия, которая, однако, время от времени корректировалась по мере изменения планирующих органов. В экономиках западного типа мнение, которое угодно плановой системе, достигается во имя либерализма. Оно считается комплексом выводов, к которым приходит человек, обладающий здравым смыслом и разумом в результате приемлемой в научном отношении подготовки. Мнение, не выгодное плановой системе, не подавляется; оно либо игнорируется, либо клеймится как эксцентричное, ненаучное, не обладающее научной точностью или респектабельностью, либо порочное в других отношениях [2, с. 289–290].

Тенденции конвергентной эволюции экономических систем

Дж. К. Гэлбрейт обосновывал логически целостное концептуальное понимание объективной обусловленности конвергенции в развитии моделей экономики западного и советского типа, образно, полемично выявлял общие черты двух систем планирования. «Враги рынка» – не

идеология и социалисты, а инженер и передовая техника, диктуемая ею специализация рабочей силы и производственных процессов, продолжительность периода производства, потребность в капитале. Нельзя производить технически сложную продукцию в условиях нефиксированных цен и неуправляемого спроса. Рыночный механизм начинает отказывать, когда нужна исключительно высокая надежность, когда жизненно важным становится планирование. Аппарат социалистического планирования и современная крупная корпорация – это варианты приспособления к одной и той же необходимости. В экономике советского типа цены в значительной степени регулировались государством, а объем продукции определялся не рыночным спросом, а общим планом. В экономиках западных стран крупные фирмы господствуют на рынках, устанавливают цены и стремятся обеспечить спрос на продаваемую продукцию [1, с. 70–71].

Конвергенция сопоставляемых разновидностей мировых экономических систем – индустриально развитых стран первого (западного) мира и второго (социалистического) мира – подтверждалась серьезным сравнительным анализом планирования процессов накопления и инвестирования капитала. Продолжительность и специфика производства передовой техники предполагает большие затраты капитала, которые современная экономика в состоянии предоставить в размерах, даже превышающих потребность. Предложение капитала планируется теми, кто его использует в крупных масштабах, дабы свести к минимуму зависимость от рынка инвестиций [1, с. 72].

Всякое планирование отличается от рынка отсутствием механизма взаимного приспособления предложения к спросу, в том числе и предложения сбережений, используемых для капиталовложений. Поэтому периодически возникает тенденция к образованию избыточных сбережений, вызывая потребность в дополнительном планировании, которое осуществляет государство с целью превращения сбережений в инвестиции [1, с. 72–73].

Во всех индустриально развитых странах решение о сбережениях принимает не потребитель, а другая инстанция. В Советском Союзе и странах Восточной Европы было директивное планирование, и часть дохода удерживалась для вложений капитала промышленными предприятиями и особенно государством. В США и странах с экономикой западного типа инструментом планирования служит корпорация, осуществляющая удержание дохода [1, с. 76].

Параллель плановой индустриальной системы западных корпораций с директивно-плановой советской экономикой очевидна: в обоих случаях решения принимали организации. В полемике по социальным вопросам не следует заходить далеко. Между двумя системами наблюдались значительные различия в степени централизации планирования сбережений и методах их аккумуляции. Но в сфере предложения капитала индустриализация независимо от различий в путях, которыми она проходила, выдвигала настоятельные требования, приводившие к конвергенции систем [1, с. 78–79].

Государство использует свою власть в сфере налогообложения и расходов, чтобы обеспечить равновесие, которое индустриальная система крупных предприятий не может самостоятельно установить. Государство возмещает недостающий элемент в планировании сбережений, составляя неотъемлемую часть современного промышленного планирования [1, с. 81–82].

Парадокс заключается в том, что меры, которые обеспечивают использование сбережений, одновременно способствуют расширению их предложения. Чем эффективнее сбережения поглощаются инвестициями, тем выше доход и больше объем самих сбережений. Не нехватка сбережений, а спад, возникающий из-за неспособности использовать все имеющиеся сбережения, – вот призрак, который преследует всех отвечающих за экономическую политику. Превышение капиталовложений над сбережениями (по крайней мере, в мирное время) – явление исключительное [1, с. 83].

Исследование конвергенции альтернативных социально-экономических систем Дж. К. Гэлбрейт продолжил в сфере экономической политики, рассматривая некоторые аспекты проблемы социализма (равенства и социальной справедливости) как идеологии, политической программы и практического опыта реализации, в частности в СССР. Ученый смело и мужественно предлагал перспективу реформирования американской модели экономики на основе принципов «нового социализма», противопоставляя его доминированию и реализации интересов техноструктуры, без околичностей называя современную корпорацию инструментом сохранения неравенства [2, с. 340].

Дж. К. Гэлбрейт показал сложность проблем, возникающих при попытках поставить под государственный или общественный контроль деятельность крупных корпораций, принудить техноструктуру плановой системы действовать в личных и социальных интере-

сах людей. Независимо от государственной или частной собственности корпораций, технoструктура обладает относительной самостоятельностью, сходными полномочиями и использует одинаковые групповые методы для принятия текущих решений и разработки стратегии своей экономической политики [1, с. 143–144].

Беда демократического социализма – это одновременно и беда капиталистов-предпринимателей. Как только последние лишаются возможности осуществлять контроль, демократический социализм перестает быть альтернативой. Сложная техника и планирование, рост масштабов деятельности, лишившие власти капиталиста-акционера и передавшие ее в руки технoструктуре, сделали контроль невозможным и для общества. Почти во всем некоммунистическом мире социализм стал устаревшим лозунгом в смысле государственной собственности на промышленные предприятия. Переход власти к технoструктуре лишает смысла борьбу за демократический социализм, если приходится выбирать между эффективностью без общественного контроля и неэффективным общественным контролем. Проблема заключается в следующем: можно ли приспособить технoструктуру к общественным целям или, наоборот, общество должно приспособиться к ее нуждам. Юридический характер собственности, безусловно, влияет на возможность приспособления к общественным целям [1, с. 148].

Необычно выглядела компаративистика исследователя, отмечавшего, что потребность в самостоятельности, необходимой для эффективной деятельности технoструктуры, испытывала фирма и в условиях экономики советского типа. Она обуславливалась необходимостью объединения людей, располагающих специальной информацией. Здесь не было никаких отличительных особенностей экономической системы и можно было обойтись без идеологии. Потребность в самостоятельности для советской фирмы была несколько меньше, поскольку ее функции были проще, чем у американского предприятия сравнимых размеров и в той же отрасли. Большую часть плановой работы, которую проделывала американская или западноевропейская фирма, в экономике советского типа осуществлял государственный аппарат. Почти все главные посты в советской фирме занимали инженеры, что означало большую озабоченность техническими и управленческими функциями в отличие от функций плановых [1, с. 149–150].

Дж. К. Гэлбрейт констатировал, что в СССР провозглашался полный общественный контроль над промышленным предприятием подобно контролю акционеров и советов директоров в корпорациях США. Но на практике советскому предприятию предоставлялась значительная и все возрастающая самостоятельность (вероятно, речь шла о проводившейся с 1965 г. реформе под руководством А. Н. Косыгина). Частичная децентрализация управления в экономике Советского Союза ошибочно провозглашалась на Западе шагом в сторону рыночного контроля. Крупной советской фирме не грозила опасность попасть под неконтролируемое воздействие рыночных сил в области сбыта продукции, снабжения, обеспечения рабочей силой и в вопросах формирования производственной политики. Это было не более возможно, чем в Соединенных Штатах [1, с. 152].

Децентрализация в экономических системах советского типа означала не возврат к рынку, а перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме. Технoструктура советской фирмы испытывала потребность в экономических рычагах, необходимых для успешной деятельности в условиях самостоятельности. Конвергенция с западной системой не означала возвращения советской системы к рынку, поскольку обе системы переросли ограничения и механизм рынка. Явная конвергенция происходила в направлении одинаковых форм планирования. Важными для социалистических и несоциалистических систем оставались следующие вопросы: что технoструктура собиралась делать с требуемой самостоятельностью, каковы ее цели и соответствовали ли они общественным целям, каково взаимодействие между ними [1, с. 152–153]?

Исследование тенденций конвергентной эволюции завершалось размышлениями Дж. К. Гэлбрейта о возможных перспективах координации и планирования в экономике западного типа. Поскольку в плановой системе существует большая вероятность периодического нарушения согласованности между реализующими свои интересы частями, государству придется предпринять шаги с целью осуществления координации, распространить всеобщее планирование и на плановую систему. Этот следующий необходимый шаг в экономическом развитии твердо опирается на логику плановой системы. Для координации роста в различных частях экономики должен быть создан государственный плановый орган, подчиненный законодательным властям и решению трудных проблем общественной компетенции.

Требуется планирование, которое служит общественным интересам, а не интересам плановой системы. Больше не существует тенденции к тому, чтобы дела улаживались сами собой [2, с. 396–397, 400].

Заключение

Проведенный научный анализ не укладывается в обычные рамки реферативного обзора творений достойных представителей экономической мысли. Обращение к полувековой истории произведений Дж. К. Гэлбрейта и углубление в вековую историю работ В. И. Ульянова-Ленина лишь подчеркивает их актуальную злободневность. Рассмотренные авторские концепции позволяют весьма неожиданным образом интерпретировать эволюцию современной экономики России последних трех десятилетий как закономерную реверсивную деградацию.

Провозглашение рыночных реформ в Российской Федерации после развала СССР в 1991 г. стало поворотом «назад к рынку» от современной экономической модели индустриальной корпоративной плановой системы, которая уже превзошла, переросла рыночную систему регулирования экономики. Экономическая история нашей страны повернула вспять – от созидания к разрушению. Реализация выбранного курса – от шокового рыночного реформирования к частичному восстановлению разваленной экономики и переводу ее в режим многолетней рецессии – сопровождалась закономерными негативными результатами. Масштабы утрат частично отражает далеко неполный перечень происходивших перемен: деиндустриализация и кризисное падение обрабатывающей промышленности, ликвидация системы централизованного государственного планирования, усиление сырьевой внешнеторговой специализации и скатывание отечественной экономики на периферию мирового хозяйства, разрушение социальной сферы и фундаментальной науки, дивергенция в сопоставлении с эволюцией индустриально развитых стран. Трансформация социалистической системы государственной экономики в государственно-монополистический капитализм означала отступление назад по исторической лестнице общественно-экономических укладов.

Преодоление нынешней политической, социальной и экономической разрухи в России предполагает возвращение на путь восходящей эволюции и конвергенции. За истекшие тридцать лет «рыночной» деградации наш народ выстрадал идеологию справедливого, солидарного общества, социально ориентированного государства, модель социалистической экономики. И если россияне выберут достойную альтернативу будущего развития отечественной социально-экономической системы, то в ее обустройстве могут пригодиться идеи «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта, в котором сочетаются плановые и рыночные механизмы координации, реализуется государственная политика в интересах общества, широких слоев населения.

Список литературы

1. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М. : Прогресс, 1969. 480 с.
2. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1976. 406 с.
3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 27. М. : Политиздат, 1973. С. 299–426.
4. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. М. : Политиздат, 1974. С. 205–245.

References

1. Galbraith J. K. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State]. Moscow, Progress Publ., 1969. 480 p. (in Russian).
2. Galbraith J. K. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* [Economics and the Public Purpose]. Moscow, Progress Publ., 1976. 406 p. (in Russian).
3. Lenin V. I. Imperialism, the highest stage of capitalism. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* : v 55 t. T. 27 [Complete Works: in 55 vols. Vol. 27]. Moscow, Politizdat, 1973, pp. 299–426 (in Russian).
4. Lenin V. I. About food tax (The meaning of the new policy and its terms). In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy*: v 55 t. T. 43 [Complete Works: in 55 vols. Vol. 43]. Moscow, Politizdat, 1974, pp. 205–245 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 10.06.2022